

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ И МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЖЕЛАЕМОЕ И ВОЗМОЖНОЕ

Елена Мирошникова¹

Несмотря на то что тема межрелигиозного диалога прочно вошла в религиозоведческий дискурс, проблемы, связанные с его целеполаганием, нисколько ни потеряли своей актуальности. В статье поднимается вопрос о причинах, снижающих ценность, эффективность и перспективность диалога. По мнению автора, одна из самых серьезных причин кроется в отсутствии понимания соотношения прозелитизма и миссии. Автор предлагает рассматривать прозелитизм как целое, как систему, в которой миссия является частью, формой обращения в свою веру, искреннего желания поделиться идеей спасения. Подобный подход мог бы избавить от двоемыслия суть межрелигиозного диалога и тем самым способствовать реальному взаимопониманию.

Значение и уважение межрелигиозного диалога имеет глубоко укоренившиеся традиции. Он признается как самими религиозными организациями, так и светскими институтами на глобальном, на национальном и на локальных уровнях. Например, в документе РПЦ МП «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» подчеркивается, что

«Современное понимание миссии основано на культуре диалога. Признание принципа свободы религиозного выбора предполагает, что в отношении представителей других религий основной формой свидетельства должен быть диалог. Русская Православная Церковь участвует в межрелигиозном диалоге в разных формах и на разных уровнях, обозначая и отстаивая свои позиции по общественно значимым вопросам, таким как нравственные нормы и ценности, мирное сосуществование, справедливость, уважение человеческого достоинства, защита окружающей среды, биоэтика, права человека и др.»²

¹ Д.ф.н., профессор, главный научный сотрудник Центра религиозоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

² «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» (Документ Религиоведческие исследования. 1 (29). 2024.

В апостольском обращении Папы Римского Франциска *Evangelii Gaudium* (О возвещении Евангелия в современном мире) 2013 года говорится о том, что

*«Пришло время узнать, как в культуре, предпочитающей диалог в качестве формы встречи, планировать поиск согласия и гармонии, не отделяя его при этом от справедливого общества, хранящего память и не приемлющего исключений... Речь идет о согласии жить вместе, о социальном и культурном договоре.»*¹

В рекомендациях в опубликованном в феврале 2024 года докладе Специального репортера ООН о религиозной вражде первым же пунктом указывается на необходимость поощрять межрелигиозный и межкультурный диалог и понимание. При этом подчеркивается ключевая роль политиков в выступлениях против вражды и нетерпимости, поскольку только одни законы не способны оградить взаимосвязанные поликультурные сообщества современного мира от насилия.² Между тем реальная практика взаимоотношений разных религий и культур не столь благостна. Например, недавнее решение о переводе в мечеть одного из древнейших артефактов византийского христианства – Церкви Христа Спасителя из ансамбля монастыря в Хоре, имеющего сейчас статус музея. Министерство иностранных дел Греции назвало такое решение провокацией против всех верующих и призвало Турцию вернуться в XXI век, во взаимное уважение, диалог и понимание между цивилизациями.³

принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 16 июля 2013 года на основе Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви 2007 года)<http://www.patriarchia.ru/db/print/3102956.html>

¹ Апостольское обращение Папы Римского Франциска *Evangelii Gaudium* (О возвещении Евангелия в современном мире) 2013 года. стр. 150 №239

² United Nations A/HRC/55/47. Human Rights Council Fifty-fifth session 26 February–5 April 2024 Agenda item 3 Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development Hatred on the basis of religion or belief Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief, Nazila Ghanea VI. Conclusions and recommendations 61. [UN REPORT on Hatred on Religion 2024 \(1\).pdf](https://www.unhcr.org/refugees/pdf/A/HRC/55/47) A/HRC/55/47

³ Turkey planned to convert another iconic Byzantine Church into mosque <https://www.turkishminute.com/2024/02/07/>

Сложность межрелигиозного диалога обусловлена многочисленными религиозными конфликтами, ставшими причиной социально-политических кризисов. Но тем не менее, на протяжении истории находились люди, способные снизить остроту и масштаб кризисных явлений. К ним, например, относится Франциск Ассизский. Он жил в разгар крестовых походов, которые и ныне питают представление о монотеистических религиях как об одной из главных причин войн и насилия в истории. В 1213 году папа Иннокентий III, призывая к пятому крестовому походу, в энциклике “Quia Maior” называл пророка Мухаммеда «сыном ада», а ислам сравнивал со зверем Апокалипсиса. В 1218 году крестоносцы отправились в Египет, чтобы напасть на правившего там султана Аль Камила (в западном мире известен как Меледин). В ответ на это Франциск добрался до Египта в 1219 году и проник во вражеский лагерь, чтобы призвать к миру. Надо отдать должное султану, который вместо того, чтобы уничтожить Франциска и его братьев, гостеприимно встретил их и долго беседовал. В результате султан предложил план по свободному доступу рыцарей к святым местам.

Проблематика современного межрелигиозного диалога существенно обусловлена демографическими и миграционными кризисами. Их количественная и качественная динамика привела к разрыву традиционных связей между религией и культурой, как стержнем национальной идентичности, ускорив два основных процесса в современной трансформации религии: детерриторизацию (изменение религиозного ландшафта) и декультурацию (разрыв с историческими культурными корнями). Подтверждая предположения известного отечественного ученого С.П. Капицы, выделявшего именно демографическую проблему из наиболее значимых в конце XX века¹, современные исследователи отмечают, что небывалый по масштабам и по скорости виток перераспределения мирового населения по территории планеты,

[turkey-planned-to-convert-another-iconic-byzantine-era-church-into-mosque/](#)

¹ Мирошникова Е.М. Трансформация религии в контексте демографических проблем // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. № 1. 2019. С. 145-153.

совершившегося на протяжении жизни одного поколения и ещё продолжающегося глобального демографического взрыва, станет одним из главных, если не самым главным явлением, способным коренным образом изменить социально-культурный образ мира.¹

Межрелигиозные и межконфессиональные отношения в процессе трансформации религиозного ландшафта под давлением демографической массы приобретают специфическое значение. Поскольку почти 80% населения планеты ассоциирует себя с той или иной религией, то последствия его демографической трансформации чрезвычайно важны для судеб мира в целом. Наиболее влиятельными и многочисленными к 2050 г. будут христианство, ислам, индуизм, народные религии. Между тем, роль и место христианства существенно изменятся. Если в 2010 г. самая большая численность христиан приходилась на Северную и Южную Америки, то к 2050 г. – придется на страны, расположенные южнее Сахары. Зато в Европе вырастет численность мусульманского населения. В Индии будет проживать большинство индусов, в Индонезии – большинство мусульман. Но по численности именно Индия будет превосходить Индонезию по числу мусульман в стране. В Китае и Японии преобладает и будет увеличиваться уровень разнообразия как мировых, так и народных религий².

К сожалению, социологические исследования обходят вниманием религиозный фактор и не учитывают проблемы и возможности, которые обусловлены религиозными убеждениями. В исследованиях о миграции преобладают вертикальные и иерархические критерии, основанные на государственной принадлежности и системах социального регулирования в политике, праве и бизнесе, и на этой основе разясняющие ответственность за людей, пересекающих границы. Между тем, всё большее значение приобретает горизонтальная дифференциация, фокусирующаяся

¹ Вишневецкий А. Демография и завтра. Диалог солидарность ответственность. 7 августа 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6ukT1loUgbg>

² Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. Pew Research Center. [Электронный ресурс]. URL: http://assets.pewresearch.org/wpcontent/uploads/sites/11/2015/03/PF_15.04.02_ProjectionsFullReport.pdf

на общемировых социально ориентированных коммуникациях. Одним из современных эффективных механизмов разрешения конфликтов можно назвать основанную на горизонтальной дифференциации концепцию «антропологического квадрата», под которым понимаются границы начала и конца жизни, а также границы человека-животного и человека-машины, при этом границы человека совпадают с границами социального¹.

Возможности межрелигиозного диалога существенным образом множатся в рамках «антропологического квадрата», нежели ориентируясь на вертикальные критерии государственной и религиозной принадлежности. Ярким примером реализации горизонтальной солидарности является помощь христианских организаций беженцам, особенно женщинам и детям. Именно кропотливая работа по созданию солидарности между людьми разных культур и религий представляется важнейшей задачей религиозных организаций и их лидеров. Активная деятельность в контексте горизонтальной концепции локальных сообществ, переходящих в глобальные по решению общих для всех проблем, наилучшим способом может пробудить и усилить межрелигиозный диалог, то есть признать едиными для всех положения, способные в качестве моральной основы способствовать индивидуальному и глобальному мирному сосуществованию: гуманное обращение, золотое правило взаимности, призыв к миру и справедливости².

Между тем, в теории и практике межрелигиозного диалога имеют место серьезные проблемы, начиная от неприятия его как концепции, так и его практических действий, особенно в условиях плюрализма. Примечательно, что заключительная глава серьезного международного исследования, посвященного проблемам религии, плюрализма и примирения различий, уже самим своим названием указывает на дихотомию феномена межрелиги-

¹ Lindemann G. Gesellschaftlich Grenzregime der Moderne: das anthropologische Quadrat/ Dominik Gerst / Maria Klessmann / Hannes Krämer [Hrsg.], Grenzforschung: Handbuch.- Baden Baden, 2021.- P.508.

² Global Ethik. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.parliamentofreligions.org/parliament/global-ethic/about-global-ethic>

озного диалога: «Религиозный плюрализм: мир или яд?»¹.

На мой взгляд, серьезную причину такой амбивалентности межрелигиозного диалога представляет собой отсутствие консенсуса в отношении сущности миссионерской деятельности, точнее, в соотношении понятий прозелитизма и миссии. В исследовательских проектах, посвященных этой проблеме, мы встречаем длинный понятийный ряд: прозелитизм, конверсия, миссия, евангелизация, приглашение, пропаганда, принуждение, распространение (proselytism, conversion, mission, evangelization, invitation, advocating, coercing dissemination); неэтичное обращение, законная и незаконная прозелитизация, непреднамеренный прозелитизм, принудительное обращение, чрезмерные средства (unethical conversion; legitimate and illegitimate Proselytization; inadvertent Proselytism; coercive conversion; undue means) и т.д. Термин возник от слова «прозелит» (с греческого προσήλυτος – обращенный, нашедший свое место) и обозначал того, кто, не будучи иудеем по рождению, становился членом иудейской общины.

Концептуально прозелитизм означает совокупность форм и методов по обращению в свою веру инаковерующих и неверующих, искреннее стремление поделиться с другими обретенной истиной спасения. Применение «недостойной мотивации», включая насильственные формы обращения, породили негативное отношение к термину прозелитизм и призывы отказаться от него ради межрелигиозного диалога. Ему на смену пришел термин «евангелизация», который фактически заменил «прозелитизм» в современном христианском сознании. В 1975 году Ватикан опубликовал системную программу современной евангелизации *Evangelii nuntiandi*². Свое развитие она получила в 2013 году в Апостольском обращении папы Франциска *Evangelii Gaudium*³.

¹ Cole Durham W., Jr. Thayer D., eds. Religion, Pluralism, and Reconciling Difference. Routledge, 2018.

² См. подробнее: Мирошникова Е.М. Критика современного католического прозелитизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ленинград. 1985.

³ Апостольское обращение Папы Римского Франциска *Evangelii Gaudium* (О воззвещении Евангелия в современном мире) 2013 г.

Следует отметить связанное со сменой терминологии изменение направления церковной активности: если для прозелитизма прежде всего важно распространение веры, то для евангелизации – момент ее укрепления. В связи с этим для евангелизации характерны следующие особенности: нетерпимость к секуляризму, отказ от экспансии по отношению к лицам другого вероисповедания и инакомыслящим, ее внутренняя направленность, т.е. стремление укрепить веру среди уже крещенных.

В документах Всемирного совета церквей (международной организации, объединяющей различные христианские конфессии, в том числе и РПЦ МП) отвергается не прозелитизм как таковой, а именно прозелитизм с применением недостойных средств:

«Прозелитизм насильственными средствами, экономическими стимулами или злоупотреблением властью противоречат духу Евангелия»¹.

Вместе с тем РПЦ МП осуждает прозелитизм как феномен в целом. В документе, принятом на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 16 июля 2013 года «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» указывается на то, что

«В странах, где христианство является частью национальной культуры и сформировало идентичность народа, приходы Русской Православной Церкви не используют в деле свидетельства о Православии среди местных жителей такие методы, которые в современном контексте связываются с понятием прозелитизма^[3]. 3] “Прозелитизм” в современном христианском контексте не является синонимом слова “миссия”. Прозелитизм, в отличие от миссии, имеет негативный смысл, поскольку под ним понимаются целенаправленные усилия по обращению других христиан в свое исповедание с применением предосудительных методов. Среди них – экономическое и политическое влияние, использование бедственного положения людей, в котором им предлагается медицинская и гуманитарная помощь, психологическое

¹ Заявление ВСЦ о миссии и евангелизации "Together Towards Life: Mission and Evangelism in Changing Landscape", 2012. <https://www.oikoumene.org/resources/documents/together-towards-life-mission-and-evangelism-in-changing-landscapes>

воздействие, а также пренебрежительное отношение к другим исповеданиям. Прозелитизмом также является организованная миссия среди людей, традиционно и культурно принадлежащих к местной христианской общине»¹.

В апостольском обращении Папы Римского Франциска *Evangelii Gaudium* (О возвещении Евангелия в современном мире) подчеркнуто:

«У всех есть право получить Евангелие. Христиане обязаны провозглашать его, не исключая никого, но не навязывая новую обязанность, а, скорее, делясь радостью, указывая на прекрасный горизонт, предлагая желанную трапезу. Церкви возрастают благодаря не прозелитизму, а “привлекательности”»².

Осуждение прозелитизма имеет место и в области права. Наиболее ярким примером является Конституция Греции, в которой закреплён статус Греческой православной церкви как государственной религии. Ст. 13 Конституции гарантирует свободу совести и свободу богослужений. Однако эта же статья (ст. 13, п. 2) запрещает прозелитизм. Прозелитизм трактуется как уголовное преступление, как прямое преступление против Православной церкви³. То есть, мы видим, что в современной интерпретации – как в религиозных документах, так и в светских, доминирует негативное отношение к понятию прозелитизм. Хотя, по сути, именно обращение в свою веру является главной задачей церкви. Первыми христианскими миссионерами были апостолы (букв. «посланники»), исполнявшие данную им Самим Господом и Спа-

¹ «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви». Документ принят на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 16 июля 2013 года на основе Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви 2007 года: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3102956.html>

² *Evangelii Gaudium...* С. 15.

³ Подробнее об уголовном преследовании за прозелитизм в Греции можно узнать в материалах ЕСПЧ: Дело Коккинакиса против Греции. Судебное решение Европейского суда по правам человека от 25 мая 1993 года. Первое решение ЕСПЧ по религиозному вопросу в отношении гражданина Греции, осужденного за прозелитизм. http://www.sclj.ru/court_practice/detail.php?SECTION_ID=152&ELEMENT_ID=1066

сителем Иисусом Христом заповедь: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19-20).

В настоящее время превалирует тенденция говорить о миссии, нежели о прозелитизме. При этом выделяются следующие формы миссии: информационная, культурная, социальная, личная.

Миссия как прямая проповедь поныне остается основным призванием Церкви – там, где это возможно и уместно. Однако сегодня помимо прямой миссии особое значение приобрело то, что условно можно назвать «миссией присутствия», то есть свидетельство о Евангелии не прямо, а опосредованно – через выражение православной позиции в разных областях общественной и культурной жизни стран, в которых живут представители нашей Церкви¹.

В Декларации ОБСЕ «Свобода религии или убеждений и безопасность. Руководство по вопросам политики» (2019) в специальном разделе, посвященном проблеме обращения в свою веру, используется понятие «ненасильственное убеждение» для обозначения коммуникации и действий, направленных на обращение других людей в свою веру без применения насилия, запугивания, угроз или других незаконных форм давления. Термин «прозелитизм» не используется здесь ввиду того, что он является недостаточно определенным и имеет негативный подтекст. Термин «миссионер» (заметим, термина «миссия» нет) в настоящем документе означает лицо, основная деятельность которого состоит в том, чтобы свидетельствовать о религии и пропагандировать ее среди людей и/или общин, исповедующих другую религию или не исповедующих никакой религии, посредством обучения, проповеди и других методов².

По сути своей, соотношение и четкое определение прозелитизма и миссии не нашли своего отражения в международных до-

¹ О современной внешней миссии Русской Православной Церкви: <http://www.patriarchia.ru/db/print/3102956.html>

² Декларация ОБСЕ Свобода религии или убеждений и безопасность Руководство по вопросам политики. 2019. П. 98: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/c/436577.pdf>

кументах, однако продекларированы ограничения в ст. 29(2) Декларации ООН и ст. 18(3) Международного Пакта о гражданских и политических правах. В этом отношении особый интерес представляют собой отечественные нормативно-правовые акты, например, положения, сформулированные Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2019 года¹. В частности, признается, что свобода религии или убеждений включает право на то, чтобы пытаться обратить других людей в свою религию или изменить их убеждения, используя ненасильственные средства коммуникации и воздействия. Наряду с этим отмечается, что ограничения, устанавливаемые в отношении права предпринимать попытки к изменению религии или убеждений других людей, требуют юридических оснований, поскольку их введение должно преследовать одну из законных целей, подробно перечисленных в статье 18(3), они должны быть четко и точно определены, должны быть соразмерными и не применяться дискриминационным образом. В отличие от этого, общих положений против «прозелитизма» (термин, который зачастую не имеет определения, либо просто широко трактуется, хотя, как правило, употребляется в негативном подтексте) было бы недостаточно для того, чтобы удовлетворить критерии, перечисленные в статье 18(3) (пункт 28 Промежуточного доклада Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений. Размещен 13 августа 2012 г. A/67/303).

С моей точки зрения, соотношение миссии и прозелитизма следует рассматривать в категориях части и целого, где прозелитизм – это целое, а миссия – его часть. Но главное заключается в том, что прозелитизм не сводится к случайному и выборочному действию по укреплению и распространению веры, а составляет целенаправленную структуру. Она включает в себя основные на-

¹ Обобщение правовых позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, по вопросам защиты права лица на свободу мысли, совести и религии. 2019 г. Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. С. 66-67. https://www.vsrfl.ru/documents/international_practice/27658/

правления, формы и средства, основные группы носителей. На примере католического прозелитизма среди основных направлений следует выделить модернизацию, концепцию «диалога с миром», включающую в себя и практический, и теоретический диалог, апостолат мирян, «миссию» в узком смысле слова. В последнее время ярким примером развития этого направления прозелитизма стало усиление роли женщин в жизни не столько общества, сколько в самой церкви. К формам современного прозелитизма можно отнести миссионерство, катехизацию, проповедь, экуменизм.

Отказ от термина «прозелитизм» не означает отказ от сути – от обращения в свою веру. В этом контексте всё чаще говорится о конфликте конверсий¹. С правовой точки зрения конверсия может иметь два различных значения. Во-первых, это акт изменения или ухода из религии или убеждения; это индивидуальное право, которое абсолютно и потому не может быть ограничено. Право менять религию или убеждения, понимаемое как право принимать или менять свою религию или убеждения, или же отказываться от них, пользуется абсолютной защитой в соответствии с международным правом, поскольку оно касается внутреннего измерения свободы религии или убеждений каждого человека (*forum internum*). Во-вторых, это акт обращения кого-либо, убеждающий личность принять, изменить, покинуть его/её религию или убеждение; это право может быть предметом ограничений в конкретных случаях.

В настоящее время набирает силу тенденция распространения анти-конверсионного законодательства, особенно в странах с преимущественно одной преобладающей религией, например, в Латинской Америке, Индии. Ярким тому свидетельством является судебный процесс в Индии, касающийся возможностей миссионерской деятельности христианских церквей. Надо отметить, что в дискуссиях о религиозной свободе в Индии конфликт конверсий играет ключевую роль. Согласно ст. 25 Конституции

¹ Giordan G., ed. Conversion in the Age of Pluralism. Brill, 2009. Chapter Thirteen. Conversion and Mission: Missionary Insertion and The Social Conditions Of Christianization. <https://brill.com/display/title/15298>.

Индии, человек имеет право свободно исповедовать, практиковать и пропагандировать религию. Именно споры о значении слова «пропагандировать» и его соотношения со свободой обращения составляют суть проблемы. По мнению Верховного суда Индии, право на распространение религии не может повлечь за собой право обращать других людей в свою собственную религию, а позволяет лишь передавать религию путем изложения ее догматов. Как и следовало ожидать, это решение еще больше подогрело конфликт, поскольку оно игнорировало тот факт, что определенные группы в индийском обществе совершенно по-разному понимают свободу совести и право пропагандировать религию. Свобода религии включает в себя свободу христиан продолжать свою практику, даже если одна из этих практик представляет собой своеобразную и часто вызывающую возражения форму «передачи догматов религии». Пока эта практика обращения остаётся в определенных пределах разума и этики, христиане должны иметь возможность свободно участвовать в ней; когда она выходит за эти пределы, она становится вторжением в свободу религии других. На этом фоне статья 25 включает свободу христиан продолжать свою практику («обращение»), но в пределах, установленных индийской концепцией традиции и её понятиями «распространения». Будущие исследования должны будут показать, может ли эта гипотеза помочь разрешить продолжающийся спор по поводу обращения и религиозной свободы в Индии, то есть, в транскрипции доминирующей религии. Между тем, анализ этого судебного решения явно говорит о том, что только правовое решение очень серьёзной проблемы вряд ли сработает. Необходим общественный консенсус. Вот почему так важен межрелигиозный диалог¹.

На мой взгляд, на понятие «прозелитизм» необоснованно переносятся боязнь и неприятие, которые вызывают имевшие место в истории насильственные методы обращения. В результате создается довольно искусственная и запутанная конструкция, которая

¹ Claerhout S., De Roover J. Religious Freedom and the Limits of Propagation: Conversion in the Constituent Assembly of India //Religions. 2019. Vol. 10(3). P. 157.

затрудняет видение перспективы миссионерской деятельности и гражданско-политической рефлексии на этот сложный процесс и приводит к призывам отказа от прозелитизма в его сущности. Существенную роль при этом играет распространенная ныне, особенно за рубежом, неоднозначная практика политкорректности. С одной стороны, она предусматривает уважительное отношение к религиозному плюрализму и религиозным меньшинствам, с другой, пытаясь избежать обострения отношений, не называет вещи своими именами, а потому пути решения проблем, связанных с регулированием религиозного и светского, частного и публичного, получаются неэффективными, порой создают конфликты вместо межрелигиозного диалога и гражданской солидарности. Вот почему приоритет социальной справедливости настойчиво звучит в межрелигиозном диалоге. Разумеется, такой подход предполагает особый уровень ответственности и эмпатии, качества сознания и индивидуального, и общественного. В этом отношении заслуживают уважения поддержка акций на низовом уровне «grassroots actions» – совместных действий представителей разных религий и убеждений как выражения общего дела. Особую роль играют общественные институты, созданные на базе взаимного сотрудничества с религиозными организациями. Так, например, уже более двадцати лет назад, благодаря активной деятельности протоиерея РПЦ МП Владимира Федорова, указывающего на необходимость христианского межконфессионального миссионерского сотрудничества, в Санкт-Петербурге появилось Межцерковное партнерство «Апостольский город – Невская перспектива», а до этого – «Православный институт миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений». Сегодня он преобразован в «Институт по изучению религиозных ресурсов миротворчества».

«Что такое миссия? Это не просто проповедь заморским аборигенам, это размышление о задачах Церкви, её служения, это аналитическая деятельность и попытка увидеть, что в будущем необходимо. Сотрудничество в деле христианской миссии во всём мире – вот что для меня важно. Надо понять, что мы живем сейчас при пожаре, что вера далеко не у всех является

основной ценностью. Надо друг другу помогать, сотрудничать, понимать, что у христиан общее дело – это конфликт между верой и неверием. А значит, те, кто находится на берегу, где вера, должны быть едины, понимать, что у нас одни и те же ценности»¹.

Выводы

Религиозные общины представляют собой значительную силу на местном, национальном и международном уровнях, выступая в роли моста между жителями и органами власти, тем самым укрепляя общество и государство.

Возможности межрелигиозного диалога существенно бы укрепилась, если бы государство проводило политику по обеспечению не столько религиозной свободы, сколько свободы совести в более широком смысле слова, а религиозные организации наводили бы мосты, прежде всего, между собою, а не концентрировались на борьбе с секуляризмом.

Страх прозелитизации, замалчивание, а также призывы отказа от прозелитизма могут привести к признанию опасной любой миссионерской деятельности. В результате приходится констатировать наличие или миссионерского прозелитизма, или прозелитической миссии. Должны ли другие религии ограничить свою практику местами для молитв? Оставаться нейтральными или работать на сохранение своей культурной и религиозной идентичности? Где границы лимита миссионерской деятельности, и кто судья в этой парадигме? Вот где квинтэссенция нарратива желаемого и возможного по отношению к межрелигиозному диалогу.

С религиозоведческой точки зрения, наиболее нейтральным понятием является понятие «конверсия», лишенное конфессиональной ангажированности. В рамках межрелигиозного диалога главное, чтобы в миссионерской деятельности отсутствовали

¹ См.: Главная миссия церкви // Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник. № 7. 2022 https://aquaviva.ru/journal/glavnaya_missiya_tserkvi; Свои и чужие с точки зрения вечности // Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник. №9. 2018. https://aquaviva.ru/journal/svoi_i_chuzhie_s_tochki_zreniya_vechnosti.

принуждение и несправедливость, а главенствовали уважение и понимание в рамках действующего законодательства.

INTERRELIGIOUS DIALOGUE AND MISSION: DESIRABLE AND POSSIBLE

Elena Miroshnikova

The interreligious dialogue takes a strong position in the Religious Studies. But in spite of it there are real problems according its goals and expression. The article raises the question on reasons that reduce the values, perspectives and efficiency of the issue. The author notes that one of the most important reasons is the absence of understanding on proselytism-mission-relations. The author suggests to consider the proselytism as a whole, as a system, where the mission is a part of it, the form of conversion, the sincere desire to share the way on salvation. Such an approach should eliminate a sort of doublethink according to the issue of the interreligious dialogue and thus ensure the mutual understanding.